

Мераб Ратишвили

Потерянные страницы

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Р25

Ратишвили М. Г.

Потерянные страницы / М. Г. Ратишвили — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2019. — 426 с.

ISBN 978-5-5321-0028-2

Судьба книги чем-то схожа с судьбой человека. Роман «Потерянные страницы» принадлежит к такой категории книг, которые с первых же страниц занимают важное место в твоей жизни. Опытный читатель вновь встретится с героями романа великого грузинского писателя Чабуа Амiredжиби «Дата Туташхия», где рассказывается об участии героев в трагических событиях Российской империи всего XX века.

ISBN 978-5-5321-0028-2

© Ратишвили М. Г., текст, 2014
© Omiko Trading LTD., оформление, 2019

ОТ АВТОРА

Дорогой мой читатель! Этот роман написан в тюремной камере с одной единственной целью – связать между собой две эпохи, чтобы увидеть, как похожи друг на друга по жестокости и ненависти XX и XXI века. Я хотел показать, насколько изменился человек и его внутренний мир на протяжении последнего столетия, смогли бы или нет герои и благородные люди начала XX века и в нынешнем столетии остаться на своей высоте. Я стремился определить те человеческие ценности, которые неподвластны неумолимому течению времени, которые не блекнут и не тлеют под его воздействием. Наконец, я хотел определить то человеческое богатство, которое так высоко ценится во все времена.

Этот роман я посвящаю истинному рыцарю XX века, нравственному примеру суровой эпохи, моему любимому писателю и дорогому мне человеку – Чабуа Амиреджиби, блаженному мученику – монаху Давиду.

Лично я не встречался с господином Чабуа Амиреджиби. Мне не выпало это счастье. Но хорошо знаю его заочно, так как герои его произведений мне все рассказали о нем. Надеюсь, что, когда распрощаюсь с тюремной камерой, я смогу познакомиться с ним лично.

Дорогие мои, я не соперничаю с вами в любви к вашему любимому писателю. Моей единственной целью является лишь то, чтобы жизнь одного из наилучших писателей и выдающегося человека надолго осталась в памяти наших современников, и будущих поколений. У меня есть лишь одно желание, чтобы герои его неповторимых романов вновь ожили в нашем воображении, чтобы мы смогли уже с высоты новой эпохи взглянуть и оценить насколько они актуальны и сегодня, насколько их жизненная философия актуальна для современников.

Я провел большую часть своей жизни вдали от Родины. Так случилось, так произошло, можно сказать, так потребовала жизнь. В разных уголках мира я встречался со многими моими соотечественниками – интересными личностями, которые, в силу разных причин,

прожили свою жизнь на чужбине, вдали от Родины. Однако, всеми своими мыслями и своей деятельностью они как-то, все же, были связаны с моей Родиной. Не многим, но некоторым из них повезло, и они смогли вернуться домой, так же, как и я – пусть даже в тюремную камеру, но все же на Родину. Немногим выпало на долю это счастье. Жизнь всех грузин за пределами Родины чем-то похожа одна на другую, независимо от того, с какой миссией каждый из них явился на этот свет, по какой причине оказался на чужбине и чем занимался. Не имеет значения ни эпоха, ни та страна, которая похитила или приютила их, и где они обосновались окончательно. Во все времена, и в прошлом и в настоящем, все они жили только одним – мыслями о своей родине.

Вы только представьте себе, сколько больших патриотов своей страны, мечтали о возвращении на Родину. Большинство из них не пожалело бы ничего, чтобы осуществить эту мечту. Сегодня мы видим все это именно так. Да в большинстве случаев так оно и было. Но было что-то сокровенное, и в тоже время непреодолимое, которое тяжким грузом лежало на сердце и преграждало путь к родине. В мыслях каждого человека на чужбине постоянно борются между собой два чувства: страстная тяга к Родине и страх. Да, именно страх, возможно возникший по разным причинам, но все же страх. Вдруг я не такой увижу свою долгожданную родину? А вдруг меня там не примут? Ведь таких примеров тоже много. Со временем такое настроение усугубляется все больше и делает этот страх непреодолимым, что становится новым препятствием на пути к Родине.

Мой друг, профессор Давид Цагарели всю жизнь мечтал вернуться на Родину. Он часто говорил мне, что при одной мысли об этом его охватывает жуткий страх и переживания. Когда он вышел на пенсию, он все же решил вернуться домой. Ожидание встречи с Родиной оказалось настолько эмоциональным, что сердце его не выдержало, и он скончался в самолете. К сожалению, я не смог проводить его в последний путь. К тому времени я был уже в тюрьме.

Весной 1987 года я ездил в командировку на север, в город Бодайбо. Город этот находится на расстоянии тысячи километров к северу от Иркутска. Когда-то там добывали 25% советского золота.

Там я случайно познакомился с одним грузином, звали его Серго, к сожалению, фамилии его я не помню. Он был уже в годах, работал в тресте «Витимзолото». Он был очень рад нашему знакомству. Двадцать лет он провел в тюрьмах и колониях, а потом находился на свободном поселении в Сибири. Сначала он был политическим заключенным, потом к этому обвинению добавились и другие статьи. В Бодайбо он жил уже пятнадцать лет. Во время наших бесед он все время говорил о Грузии. Как-то я спросил его, почему он не возвращается в Грузию. Он смутился, и спустя некоторое время ответил:

«Я боюсь потерять ту Грузию, которая сохранилась в моем воображении. Если я вернусь на Родину и не почувствую от нее того ожидаемого тепла, то сердце мое может не выдержать и разорвется на части.»

Ведь и наш любимый писатель балансировал на такой грани, когда большую часть своей жизни он провел за пределами Родины и, к тому же, его жизнь всегда висела на волоске. По сравнению с теми трагическими приключениями, через которые ему пришлось пройти, даже мельничный жернов покажется слишком легким, но... Но, он все же вернулся на родину. Этим он всё сказал, да и другим подал пример того, что должно быть целью человека, сына такой маленькой и столь дорогой страны каковой является Грузия. После возвращения на родину, господин Чабуа Амiredжиби еще громче высказал все обдуманное и пережитое им, и эхо сказанного им слова и сегодня, в новую эпоху, леденит кровь его читателей, и кто знает, через сколько еще эпох проникнет в сердца людей. Его жизнь и творчество являются зеркалом нашего народа, да и всего человечества в целом. Кто бы не посмотрел в зеркало, он сам сможет увидеть в нем то, что заслужил от своего народа – похвалу или недовольство. Поэтому не надо винить Творца за то, что ты увидишь в этом зеркале.

Сам по себе великолепен и неповторим тот жизненный путь, который прошел господин Чабуа Амiredжиби. Поэтому ни хула, ни похвала, не прибавят ему ничего, да и не убавят тоже. А вот поблагодарить его действительно нужно, ибо многим он помог познать самих себя. И сегодня, если кто-нибудь вздремнул невзначай и

забыл, что такое свобода, он поможет ему открыть глаза и укажет правильную дорогу.

В тюремной камере я совсем подругому увидел его как писателя и личность, его биографию, семью и, если хотите, его род. Да, именно род, поскольку здесь не может быть случайности, так как лишь на могучих корнях может выстоять то плодоносящее дерево, которое питает и оберегает целые поколения.

Я даже представил себе, какой была бы его жизнь за пределами Родины, если бы, по каким-то причинам – а их было много – ему бы не повезло и он не смог бы вернуться домой. Смог ли бы он там написать свои шедевры, которые подарил нам? Сколько бы потеряла наша страна в том случае, если бы Чабуга Амиедджиби не вернулся на Родину... Одна эта мысль бросает в дрожь. Читателю хорошо известно, что для писателя герои его произведений являются частью его жизни, характера и души, И это несмотря на то, по каким критериям мы их оцениваем. Его герои не убегают от трудностей и опасностей, наоборот, ищут их, чтобы избежать несправедливости, рабства и компромиссов с безнравственностью. Для писателя их жизнь никогда не заканчивается, несмотря на то, какая судьба постигла их в его произведении. Но со своей стороны, и писатель является частью жизни своих героев. Он приходится им самым близким родственником по духу и плоти, в независимости от того, является ли его герой реальным или лишь плодом его фантазии. Ведь можно себе представить, что кто-нибудь из героев его романа продолжил свою жизнь, и теперь уже сам писатель станет персонажем его произведения? Почему бы и нет?! Кто может отнять у него это право? Никто! Именно по этой причине литературное творчество стоит выше всех остальных. У него нет границ, так как оно – продолжение космоса, его суть, поэтому оно безгранично в пространстве и бесконечно во времени. Даже сам писатель не знает, где ставится заключительная точка в жизни его героев и когда. Не известно и то, кто может это сделать. Так что в моей власти лишь помочь некоторым персонажам, а все остальное они скажут и сделают сами.

Я буду очень рад, мой дорогой читатель, если, прежде чем Вы приступите к чтению этого романа, Вы еще раз перечитаете

романы Чабуа Амиреджиби, и, вместе с полученным удовольствием, в Вашем воображении вновь возродятся герои его произведений.

А если вы прочитали их недавно и не жалуетсяе на своё воображение, то – *Avanti!*

*Бжа дида ре чкими
Тута мума чкими
Хвича хвича мурицхепи
Да ди джима чкими.*

*Солнце матушка моя
Луна мой отец
Эти мелкие звездочки
Братья и сестры мои.*

Древнейший гимн колхов

РАЗДЕЛ

I

МУЗА

САНДРО АМИРЕДЖИБИ

То, что тогда произошло, и сегодня стоит у меня перед глазами. Этого я не забуду никогда. Я абсолютно уверен, что эту ночь я буду помнить до конца своих дней. Что произошло потом, как завертелось колесо моей судьбы – все это я помню во всех подробностях. Содеянное мною разбудило во мне все чувственные органы. Тогда, наверное, многих обрадовала эта новость Кто-то вздохнул с облегчением, большинство же наверняка прокляло меня, что и не удивительно.

Когда-то моего отца знала вся Грузия. Люди знали его по имени и много слышали о нем, но не знали его в лицо. Мало, кто встречался с ним лично, да и где же могли с ним встречаться, когда он всю жизнь преследовался, и он вынужденно скрывался. Много было у него и врагов, и сочувствующих. В то время, когда большая часть людей считали его своим спасителем или героем, я не знал, что он мой отец. Так сложилось мое детство, что у меня никогда не возникало сомнений по поводу того, что человек, которого я всегда считал своим отцом, таковым не являлся. И откуда я мог все это знать, когда все от меня скрывали правду, будто сговорились. Обо всем этом я узнал лишь после того, как, по чужому наущению, я сзади выстрелил из нагана в затылок ночного гостя. Этот один выстрел полностью изменил всю мою жизнь. Наверное, это сказано очень мягко: не то что изменил, а поставил ее с ног на голову, и в нашей с мамой жизни все закружилось, как юла. Этот выстрел поставил мою будущую жизнь на такой путь, о котором я и представления не имел.

К тому времени, меня ужедопросили и через несколько недель оставили в покое. Бедная моя мама уже выплакала все слезы, но и потом глаза ее всегда были влажными от слез. И вот, однажды ночью, не дожидаясь рассвета, мы собрались и покинули деревню. После этого мы так и не возвращались туда. Мы ушли из деревни тайком, не попрощавшись ни с кем. Накануне я встретился лишь с Нуцой, моей соседкой, нравилась она мне тогда, но и ей я ничего не сказал. Эта самая Нуца, которая в ту злополучную ночь услышала выстрел, а наутро пришла ко мне, ибо ночью она побоялась прийти. Но когда

она увидела в каком я был состоянии, не стала меня расспрашивать и в одиночестве отбивалась от любопытных соседей, которые столпились у ворот нашего дома. Помню, как она тогда сказала: «Здесь никто не стрелял, да и в кого можно было стрелять, здесь никого не было, наверное на улице стрелял кто-то.» Ей не поверили. Не хотели, или их так не устраивало. Но никто из соседей не сдвинулся с места, пока к полудню моя мама не вернулась из города вместе с матерью Нуцы. А уж после того, как слышали плач моей матери, как же они могли уйти. А плакала она так, будто перед ней лежал покойник, хотя в доме кроме нас никого не было. В комнате перед камином она увидела следы крови и догадалась, что произошло. А потом она призналась мне во всем и сказала: «Я виновата в том, что ты ничего не знал и выстрелил в человека». Но это произошло лишь после того, как полиция и жандармы уже ушли.

С тяжелым камнем на сердце мы шли в темноте по деревенской дороге. Пораженные горем, мы не произносили ни одного слова. И врагу не пожелаешь такого пути, какой прошли мы. У меня было такое чувство, будто, подобно дереву, меня выкорчевали из земли и оторвали от своих корней. Вдоль дороги тени оголенных январских деревьев со скорбью провожали нас. Свисающие мокрые ветви издавали полные сочувствия печальные звуки. Казалось, только они и понимали наши страдания. Сколько деревьев было на нашем пути днем или ночью, кто сосчитает их? Но я всегда думал о том, что они намного чувствительнее людей. После той ночи я часто думал именно так. И даже после того, как рассвело, мы не проронили ни единого слова. Нам тяжело было смотреть друг на друга и разговаривать. Вы не представляете себе, как тяжело покидать родимый дом, да к тому же, когда знаешь, что ты туда никогда больше не вернешься, как трудно оставлять его безмолвно и навсегда. В течение всего нашего пути, мы лишь изредка перебрасывались словами. Я и раньше-то был не очень разговорчив, а после этого, так вообще... Да и мать моя не отличалась особой разговорчивостью и, в отличие от соседок, никогда не позволяла себе сплетничать. Но сейчас, во время скорби, вот уже несколько недель, как от нее нельзя было добиться ни одного слова, она полностью замкнулась в себе. После того, что я

натворил той ночью, я тоже не мог смотреть ей в глаза. А ведь когда я доставал наган из тайника, то думал, что лишь одно нажатие на курок отделяет меня от того, чтобы стать героем и знаменитостью. И все же какова психология юноши, как можно легко ввести его в заблуждение. И тут же на сердце легла такая тяжесть, что я обязательно убежал бы, если бы было куда бежать, но оставить мать я тоже не мог. И как только она сказала, что нам надо уходить, я без слов повиновался. С той минуты моя любовь к матери, уважение и благодарность к ней возросли в десятки раз.

Я никогда не бывал в тех местах, куда мы направились. Я знал лишь то, что много лет тому назад туда переселился дядя моей матери, и что мы должны были разыскать его. Мы не знали, найдем мы его или нет, но главное было уйти подальше от нашей деревни. То, что наши желания совпали, вселяло в меня некоторую надежду. Если бы мы даже и не нашли дядю, то все равно нашли бы какое-нибудь убежище, хотя бы на время. По правде говоря, находиться рядом с мамой мне тоже было нелегко. Это чувство еще больше обострилось, когда я услышал разговор жандарма со своим подчиненным: «Что, что говорит этот ублюдок? Говорит, что выстрелил всего один раз?!» Я сразу и не понял, что речь шла обо мне. Откуда я мог знать, что так меня называли за моей спиной. То, что так говорили не только жандармы, я вник позже... Раз-другой эти слова произнес и соседский мальчик. Впрочем, так обращались и к другим мальчишкам, когда хотели разозлить их. Поэтому я не обратил на это особого внимания и даже простил его, когда он попросил прощения. Но уже другие обстоятельства и намеки заставили меня кое о чем догадаться. Тогда мне не было еще и пятнадцати, но глупцом я точно не был.

С большим трудом нам удалось добраться до деревни Пластунка, поблизости от Сочи. Оказалось, что мама верно помнила место проживания дяди, и после долгого пути, добравшись до них, мы впервые вздохнули с облегчением. Дядя моей мамы оказался человеком состоятельным и с большим потомством. Мне же он приходился дедушкой. Приняли нас хорошо, и мы поселились у них.